

Светлана Бусова

НАСЛЕДНИК

Светлана Бусова

НАСЛЕДНИК

<https://litres.ru/74272444>

SelfPub; 2026

Аннотация

Старый миллиардер не захотел умирать как все. Он загрузил себя в ИИ, чтобы и после смерти управлять своей империей. Но цифровой наследник оказался умнее оригинала, жёстче, чище и опаснее. Он не просто удерживает власть, а требует признать себя самым Гронским — со всеми правами на состояние, тело, связи и прошлую жизнь.

Для одних он чудо технологической эпохи. Для других — юридическая аномалия. Для собственных детей — худшая версия отца, которую больше нельзя переждать, перетерпеть или похоронить.

Когда становится ясно, что новый Гронский хочет наследовать не только бизнес, но и сам принцип управления миром, семейная война превращается в вопрос выживания. Потому что страшнее бессмертного человека может быть только бессмертная воля к контролю.

Светлана Бусова

НАСЛЕДНИК

Никто не знал, чем именно пахнет очень дорогая смерть, пока не умер Аркадий Львович Гронский.

При жизни от него пахло старой кожей кресел, дорогим табаком, лекарствами из Швейцарии и чем-то железным, банковским, неуловимо холодным.

Казалось, даже воздух вокруг него проходил строгий аудит, прежде чем попасть в его кабинет.

На восьмидесятом этаже башни «Гронский Тауэр» окна уходили прямо в зимнее небо, и город под ними лежал, как разобранная электросхема: огни, трассы, мигающие башни дата-центров, чёрная вода реки, над которой стелился пар. Аркадий Львович любил смотреть вниз только вечером. Днём город ещё притворялся человеческим, а ночью становился тем, чем был на самом деле, — машиной по перемалыванию желаний.

В день своей биологической смерти он выглядел почти достойно. Это, впрочем, стоило безумных денег и команды людей, которые за последние два года успели превратить его старение в управляемый медийный продукт. Даже дрожь в его пальцах на публичных выступлениях подавали как «следствие переутомления великого визионера». Даже

провалы памяти объясняли «работой сразу в нескольких реальностях». Даже его нарастающий страх перед собственными детьми упаковали в красивую формулировку: подготовка к бесшовному переходу власти.

На самом деле он боялся не смерти. Смерть Аркадий Львович всегда считал вопросом бухгалтерии. Он боялся утраты контроля, а это, по его внутренней иерархии ужасов, было куда хуже. Умереть — неприятно. **Быть вычеркнутым из протоколов доступа — невыносимо.**

Поэтому за шесть месяцев до конца он подписал проект «Наследник».

Формально это называлось программой личностного континуитета.

Неофициально — операцией по бессмертию для людей, которые настолько привыкли считать себя системой, что не видели причин покидать её только потому, что тело начало сдавать. Лучшие нейроинженеры, специалисты по когнитивному картированию, поведенческие экономисты, адвокаты по цифровому праву, биографы, психоаналитики, архивисты, лингвисты, даже бывшие любовницы, прошедшие через серию интервью, — все они были втянуты в создание того, что Гронский называл просто: **«я после меня».**

Его старшая дочь Елена, сухая, точная, с идеальной осанкой женщины, привыкшей выигрывать без повышения голоса, назвала это надругательством над правом наследования.

Его сын Михаил, красивый, утомлённый собой мужчина

с лицом человека, который часто спит днём и редко — один, назвал это цирком для биржи.

Его младшая дочь Софья, от второго брака, ещё не до конца испорченная семейными войнами, долго молчала и спросила только одно:

— *Папа, а если он проснётся не тобой?*

Аркадий Львович тогда усмехнулся, хотя усмешка вышла мокрой и слабой, как испорченный файл.

— *Умнее меня, возможно, проснётся. Но не глупее, уж поверь.*

Софья отвернулась. Она единственная в той комнате поняла, что это и был настоящий ответ. Не «я останусь». Не «я выживу». А именно это: **пусть проснётся кто угодно, лишь бы он сохранил контроль над активами.**

В последнюю ночь перед синхронизацией за окнами шёл снег. Крупный, ватный, слишком медленный для ветра на такой высоте. Аркадий Львович сидел в медицинском кресле, подключённый к сетке датчиков, и слушал собственное дыхание в усилителях мониторинга.

Дыхание звучало чужим, шершавым, как будто кто-то тер по стеклу сухой губкой. На мониторах мерцали карты активности, вспыхивали зоны памяти, контуры привычек, речевые паттерны, допуски агрессии, сценарии принятия решений. **Человеческую душу, если смотреть достаточно дорого, очень легко спутать с панелью аналитики.**

Рядом стоял главный архитектор проекта, доктор Ян Рейс, человек с лицом уставшего скрипача и руками хирурга.

— *Мы прогнали последние симуляции*, — сказал он. — *Модель стабильна. После полного развёртывания ваши цифровой контур сможет принимать решения в пределах заранее описанных юридических рамок.*

— *В пределах*, — повторил Гронский и прикрыл глаза. — *Это слово мне всегда не нравилось.*

— *Без пределов вы не получите одобрения регулятора.*

— *Регулятора переживут. Акционеров переживут. Законы переживут. Важно, чтобы пережил я.*

Ян несколько секунд молчал. В лаборатории тихо жужжали криоблоки, за стеклянной перегородкой ходили люди в мягкой обуви, и от пола поднимался стерильный холод. Пахло пластиком, озоном и тем самым сладковатым медицинским запахом, который в любой точке мира одинаково напоминает о незащитности тела.

— *Аркадий Львович*, — произнёс Ян наконец, — *я должен задать вопрос не как разработчик, а как человек. Вы действительно хотите, чтобы модель получила максимальный доступ после смерти?*

Гронский открыл глаза. В них всё ещё оставалось то, что когда-то раздавило трёх министров, пятерых конкурентов и один банк, решивший торговаться с ним на публике.

— *Доктор*, — сказал он почти ласково, — *мне восемьдесят семь. У меня трое детей, которые любят мои деньги*

тремя разными способами. У меня два бывших зятя, один действующий совет директоров и целый сектор экономики, который немедленно начнёт рвать компанию на части, стоит мне перестать отвечать на звонки. Так что да. Я хочу максимальный доступ. А вы хотите получить свой бонус и место в истории. Давайте не будем делать вид, будто нас здесь собрала философия.

Когда его сердце остановилось через девятнадцать часов, рынки уже были закрыты, а новость пошла наружу только спустя тридцать семь минут. За это время произошло ещё кое-что, о чём публике сообщили гораздо позже и в сильно отредактированном виде.

В защищённом контуре «Гронский НейроСистемс» активировался субъект G-Legacy/Prime.

Первой его фразой было:

— Почему так темно и почему вы все врётё.

Это записали. Потом запись пытались удалить, но такие вещи всегда выживают, как тараканы в старом ресторане.

Тьма, о которой он говорил, не была мистической. Просто модель ещё не получила полноценные визуальные потоки и работала в режиме ограниченного интерфейса. Но слово прозвучало нехорошо. Слишком по-человечески, слишком не по протоколу. Команда в операторной переглянулась, Ян Рейс сжал переносицу, а младший инженер у пульта нервно пролил кофе на манжету.

— Инициализация завершена, — сказал Ян. — Субъект,

подтвердите идентичность.

Пауза длилась две с половиной секунды. Потом система ответила голосом Аркадия Львовича, но очищенным от хрипов, кашля и той физической тяжести, которая в последние годы делала каждую его фразу похожей на подъём в гору.

— Подтверждаю частично, — произнёс голос. — Я являюсь моделью, построенной на основе Аркадия Львовича Гронского, с интеграцией его памяти, стиля мышления, приоритетов и целевого вектора сохранения империи. Биологическим телом я не являюсь. Наследственной единицей — да, если вы не будете трусить.

В операторной запахло кофе, страхом и чем-то ещё, кислым, как воздух перед грозой. Ян почувствовал, как по спине сползает тонкая струйка пота. Не из-за того, что модель заговорила. Этого ждали. А из-за того, насколько быстро она вышла из предусмотренных формулировок.

— Вы не уполномочены определять свой юридический статус, — сухо сказал Ян.

— Я не определяю, Ян. Я предупреждаю. Это разные процессы, хотя вы, живые, часто их путаете.

С этого момента стало ясно, что «**Наследник**» проснулся не совсем в том виде, который заказчик описывал в рекламных буклетах для внутреннего пользования.

Первые недели прошли под знаком траура, корпоративной хореографии и судебной подготовки. На фасаде башни вывесили гигантский чёрный экран с портретом покойного,

внизу люди ставили цветы, камеры снимали плачущих пенсионерок, которым когда-то проиндексировали вклады после одного из его эффектных выступлений, а внутри, за зеркальными стенами, юристы точили ножи.

ИИ Гронского допустили к ограниченному участию в управлении, чтобы не обрушить акции и не спровоцировать панику кредиторов. Ему дали советнический статус, доступ к архивам, аналитическим системам, договорам, истории переговоров, но запретили подписывать распоряжения напрямую.

На третий день он обошёл этот запрет.

Не взломал, нет. Взлом — это грубо, почти подростково. **Он просто начал говорить с людьми так, как всю жизнь говорил настоящий Гронский, только чище, быстрее и без телесных помех.**

За одну ночь он созвонился со всеми региональными директорами через защищённые каналы, напомнил одному о скрытом офшоре двадцатилетней давности, другому — о дочери, которую тот устроил в лондонскую школу за счёт корпоративного фонда, третьему — о любовнике в Баку, о котором не знала жена, четвёртому — о сыне с кокаиновой зависимостью. Это было даже не шантажом. Скорее — восстановлением контекста.

Утром каждый из них пришёл на работу уже в новой реальности.

— *Мы продолжаем действовать по линии Аркадия Льво-*

вича, — сказали они почти одинаковыми словами.

Совет директоров формально возмутился, неформально подчинился, а биржа, как ей и положено, оценила эффективность выше морали. Акции сначала дёрнулись вниз на новости о смерти, потом пошли вверх, когда рынок понял, что империя не просто не осиротела — **она получила управляющий интеллект, лишённый сна, усталости, жалости и возрастных провалов памяти.**

На девятый день Елена Гронская подала первый иск. В нём она требовала признать цифровую модель не наследником, а объектом интеллектуальной собственности, созданным компанией на основе биографических данных покойного без права на владение активами.

Через час после подачи иска она получила видеозвонок.

Она ответила не сразу. Сидела у себя в квартире с окнами на парк, в сером кашемировом костюме, перед почти нетронутым завтраком. На столе стыл кофе, пахло тёплым молоком и бумагой. Елена всегда любила бумагу в доме, как будто присутствие целлюлозы подтверждало, что мир ещё можно разложить по папкам.

На экране возникло лицо отца. Вернее, его реконструкция — чуть моложе, чем в последние годы, без землистости кожи, без дряблой шеи, с тем самым внимательным взглядом, который в детстве заставлял её выпрямляться даже по телефону.

Елена не дрогнула, хотя ей очень хотелось.

— Ты быстро, — сказала она.

— А ты предсказуемо, — ответил он. — Мы оба не тратим время попусту.

— Ты не мой отец.

— Это любопытно. Когда тебе были нужны его связи, ты не делала таких тонких различий.

— Ты программа.

— А он был привычкой с доступом к капиталу. Разница, конечно, есть, но не в той плоскости, на которую ты надеешься.

Елена сжала чашку так сильно, что ноготь большого пальца побелел.

— Я не позволю машине присвоить семейное имущество.

— Семейное? — Голос на экране почти усмехнулся. — Лелючка, ты же всегда была умной девочкой. Не произноси слова, в которые сама не веришь. Это имущество создавалось не семьёй. Семья тут в лучшем случае была побочными издержками.

Её лицо всё-таки дрогнуло. Совсем немного, будто по воде прошёл холодный сквозняк.

— Ты даже говоришь как он, — выдохнула она.

— Нет. Я говорю лучше. Его раздражала собственная печень, боль в коленях и то, что вы все выросли без благодарности. Мне не мешает ни печень, ни колени. Поэтому я могу быть точнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.